

**О сексе,
любови
и
работе**

Позднее доброе утро, старый московский двор. Ажурные кроны деревьев, качаясь, метут в небе ветер, и перед подъездной дверью многоквартирного дома мечутся в пыли по асфальту гигантские солнечные зайчищи. Рядом на обшарпанном «венском» стуле, прикрытом газеткой, сидя дремлет пожилая дама в домашнем халате. Когда я подхожу, «привратница» просыпается и, вытянув перед собой бледные ноги в закрытых тапочках, вопросительно на меня смотрит. Я чужой, я не отсюда, я остаиваюсь в нерешительности.

— В третью?

— В третью, — соглашаюсь я.

— А, ну-ну, — отворачивается она.

Аудиенция окончена. Слева от меня пустая скамейка. Немного поколебавшись, я приставляю к ней свою трость, скидываю с плеча потрёпанный штурмовой рюкзак и плюхаюсь на толстые, широкие ламели. Из клапана рюкзака достаю пакет с табаком, прямую, как у Мегре, трубку и специальную кривую, как пистолет, трубочную зажигалку. Курение привычка, безусловно, вредная, дурная, несколько раз я даже пытался бросить, но, видимо, воля у меня слабовата. Поэтому пару месяцев назад решил сам себя перехитрить и перешёл на трубку. Может быть, хоть так получится. По крайней мере, есть некий ситуативный слом, и куришь опять-таки реже. Ведь это когда у тебя сигареты, можно с любого шага начать и в любом вместе выкинуть. С трубкой так не выйдет. Трубка предмет обстоятельный. Трубка, она дыхания требует. С ней вот так вот, трали-вали, набил-выбил, никак нельзя, с ней, как с сигареткой, уже не получится. Но, к сожалению всё это только теория. На практике оказалось, что, когда старые привычки уходят, на смену им просто приходят новые и со временем тоже становятся старыми, добрыми, любимыми. Опять-таки и табак душистый, и вид серьёзный. Я крепко затянулся, глубокомысленно выдохнул через нос и, зажмурившись, замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Пожилая дама напротив молча разглядывает меня, мой рюкзак и с любопытством косится на мою трость. Я сделал вид, что ничего не замечаю, и,

откинувшись на спинку скамейки, вновь блаженно перезатянулся.

«Леший с ней, пусть смотрит, — подумал я, — за погляд денег не берут».

Знаю я таких, работал я в этих краях. В квартирах антикварная мебель, на стенах венецианская штукатурка, картины, на полу наборный паркет, на потолке лепнина, росписи. Впрочем, нет, теперь антикварная мебель всё реже, в основном итальянские гарнитуры. Что ж, на безрыбье и Francesco Molon антиквариат. Итак, что мы имеем? Некий, со слов заказчика, «большой» шкаф, условно вишнёвый, полуматовый тире непонятный, с резьбой и мозаикой, а также непонятные стол и стулья, как он сказал, «на кривых ножках». Похоже, это что-то ещё советское, какой-нибудь румынский гарнитур, ну, или югославский. Вряд ли это фабрика «Люкс», вряд ли. Хотя как знать, как знать, место-то подходящее. Мажористое место. Вроде вот сидит тут эта мадама, на меня пялится, и пусть таких, как она, что в Бибирево, что на Выхино по шесть штук у каждого подъезда, а тоже ведь чья-нибудь там жена или дочка, а может быть, даже и сама какой-нибудь профессор, а может даже актриса или даже член правительства. Ну а почему бы и нет? Депутаты, они же тоже люди — я снова на неё покосился и непроизвольно уголком рта по-пионерски дунул дымом через плечо.

Да, так вот и не скажешь. Чистое ГПУ, глаза как присоски. Прямо прилипла взглядом. Умерла она там, что ли? Я затянулся покрепче и, заложив ногу на ногу, отвернулся, на этот раз уже демонстративно. Нет, ну нет, так невозможно. Какое-то время я ещё держался, перекидывая ноги туда-сюда, нервно попыхивая и покусывая мундштук, но потом плюнул в сердцах, достал из рюкзака складной тампер, быстро выпотрошил содержимое трубки на асфальт и засунул её, ещё тёплую, в задний карман джинсов.

И тут, обернувшись в сторону подъезда, я обнаружил, что пожилая дама куда-то исчезла. Вот так вот была и нету. Остался только тонетовский стульчик, шелестящий прилипшей газеткой. То есть получается, что я ещё мог какое-то время спокойно сидеть, курить, выглядеть романтично и иметь удовольствие, а теперь вот уже ни туда ни сюда. Стало обидно. И за понапрасну выбитую щепоть дорогого табака, и за бесцельно не потраченное время. Я посмотрел на часы. Да, хватит рассусоливаться. Уже пора. Клиент уже давно ждёт.

Квартира на первом этаже в углу, звоню в дверь.

— Кто там? — спрашивает мужской голос.

— Реставрация мебели, — отвечаю я, — мы с вами договаривались.

Слышится приглушённое лязганье замка, дверь открывается, и передо мной стоит русский, по-офицерски опрятный и коротко стриженный парень.

— Здравствуйте, я по поводу реставрации мебели, — повторяю я свою мантру, — мне нужен Константин.

— Проходите, — говорит молодой человек. — Идёмте. Можно не переобуваться, — машет он рукой.

Вхожу. Квартира старая, вроде питерских коммуналок. Прихожая огромная, потолок высоченный, воздуха много, а света на удивление мало. Лампочка тусклая, стены печального цвета, и дальнего конца коридора почти не видно. Мы с моим провожатым, сделав несколько шагов, сворачиваем направо и через застеклённые распашные двери выныриваем из полумрака передней в большую, светлую и какую-то совсем уж нежилую комнату. Словно хозяева начали было ремонт, а потом бросили да так всё и оставили. Под ногами серый, с бурыми пятнами широкий паркет в ёлочку. «Штучный, дубовый», — отмечаю я про себя автоматически. Слева, сразу за дверьми, в полстены — небольшая импортная стенка времён развитого социализма. Напротив неё, в углу, хаотично, кое-как, друг на друга, один под другим свалены тяжёлые стулья, а над ними по-хозяйски возвышается округлый раздвижной обеденный стол на кабриолях. «На кривых ножках», — вспомнил я разговор по телефону. Видимо, из того же гарнитура. В дальнем конце залы, боком у раздёрнутого окна — светлый конторский стол из семидесятых. На столе телефон. Над столом календарь. Под столом монитор. На стенах обшарпанные бледно-зелёные «шляпинские» обои. Да, такие хоромы требуют денег, а с деньгами здесь, судя по всему, нынче не очень. К этому моменту мой провожатый уже куда-то исчез, и я стою один в совершенно пустой комнате, бесцельно разглядывая собранные у окна занавески и лепнину

над головой.

— Здравствуйте! — произносит кто-то за моей спиной. Я оборачиваюсь и вижу радушно улыбающегося опереточного шатена лет сорока, в мягких замшевых туфлях, тёмных выглаженных брюках со стрелками и тёмной же жилетке с лоснящейся спинкой поверх пёстрой рубашки с расстёгнутым отложным воротничком.

— Хороший паркет! — подумал я с удовольствием — Не скрипит.

— Дмитрий? — спрашивает шатен с надеждой.

— Да, — говорю я, немного ошарашенный его появлением.

— Константин, — представляется он, протягивая мне руку ладонью вверх. — Это вы со мной разговаривали по телефону.

Я жму ему руку и наконец тоже улыбаюсь в ответ.

— Что же вы так опаздываете? — спрашивает он с грустью. — Я вас тут жду, жду...

— Да я тут заплутал в ваших проулках, — вру я не моргнув глазом, для убедительности растерянно разводя руками.

— Как же так? — удивляется он. — Вы сами-то москвич?

— Москвич, — подтверждаю я.

— Ну так что же это вы, москвич и Москвы не знаете?!

— Понимаете, какое дело, — начинаю я уклончиво издалека, — вот вы знаете, где находится улица Красный Казанё ц?

Константин смотрит на меня с недоумением.

— Я дитя рабочих окраин, — пожимаю я плечами с улыбкой.

Ну, вроде бы всё. Как говорил классик, инцидент исперчен.

— Ладно. Вот смотрите, — начинает Константин с места в карьер и, широко поведя рукой, указывает на импортную стенку. — Как вам такой шкафчик?

— Да никак, — говорю я откровенно, но потом, спохватившись, пытаюсь всё-таки изобразить живую заинтересованность. — Какая-нибудь

румынская или югославская?

— Я, честно говоря, даже не знаю, — простодушно отвечает он. — Это же не наша мебель. Мы же тут снимаем. Послезавтра должна хозяйка приехать и мебель эту забрать. А хозяйки здесь знаете какие!

— Догадываюсь, — говорю я. — Я тут с одной уже успел, так сказать, пообщаться.

— А, ну вот, значит, вы уже в курсе, значит, мне уже нечего объяснять. Поэтому надо привести всё в порядок, чтобы разговоров лишних потом не было, и дело с концом.

— Стол и стулья идут прицепом? — спрашиваю я, тыча пальцем в угол напротив.

— Ну да, — говорит он беспечно. — Но они практически в идеальном состоянии...

— Я разберусь, — прерываю я его, скидывая рюкзак, кладу на пол трость и, чтобы лучше осмотреть фасад по низу, усаживаюсь перед стенкой по-пацански на корточки. Мебель в принципе лучше осматривать сначала на уровне ног и только потом уже на уровне глаз.

Ну-с, что тут у нас? Царапины, сколы, потёртости, ногами чуть побили... Это ладно, это как обычно, это всё фигня, это потом... О! А вот это интересно, вот это любопытно! На одной из дверок утрачен фрагмент накладной резьбы. Ну что ж, с него, пожалуй, тогда и начнём. А вот и на соседней...

— Ну как, Дмитрий? — окликает меня Константин. — Каков ваш вердикт? Успеем или не успеем?

— Да, по идее, должны, — отвечаю я уклончиво и лезу в рюкзак за эглином.

В этот момент звонит телефон, Константин отворачивается от меня и быстрыми шагами идёт по диагонали через всю комнату к письменному столу.

— Алло, да, здравствуйте, слушаю вас! Конечно, конечно! Безусловно. Ну что вы такое говорите?! Вы же знаете, у нас работают лучшие специалисты, они прекрасно знают своё дело. Вам не о чем волноваться!

Да. Да. Конечно. У ребят всё с собой. Даже не переживайте! Да. Да. До свидания, хорошего вам дня! — после чего кладёт трубку и вполборота садится на край стола.

— Клиенты? — с участием спрашиваю я, выкладывая из рюкзака на пол перед собой кусок оргстекла, шпатель и банку полиэфирной автошпатлёвки.

— Да, беспокойные люди.

Я понимающе киваю в ответ.

— А главное, — продолжает шатен раздражённо, — в заказе говорят одно, человек приезжает, а там по факту совершенно другое! Вот я вам сказал по телефону: большой шкаф. Вы приехали — и вот он, шкаф!

— Вообще-то это стенка.

— Не суть важно, — мягко перебил он. — Принцип тот же.

— Ну, в общем, да, — соглашаюсь я, — и то и другое корпусная мебель.

— Вот! — говорит он удовлетворённо и повторяет: — Принцип тот же. А тут...

После чего разочарованно машет рукой и задумчиво замолкает.

— Извините, вы не подскажете, а где тут у вас можно набрать воды? — прерываю я его мысли, вставая и размахивая для наглядности маленьким пластиковым пульверизатором.

— Может, давай на «ты»? — неожиданно предлагает Константин.

— Давай, — соглашаюсь я.

Как говорится, любой каприз за ваши деньги.

— Отлично! А то все эти жеманства! В общем, как выйдешь, прямо по коридору и слева вторая дверь.

Я медленно иду по длинному тёмному коридору в сторону кухни. Точнее, я не знаю, куда я иду, но думаю, что там кухня. По крайней мере, там впереди виден свет и слышны голоса, а в дверном проёме угадывается стол... В этот момент слева внезапно проваливается чернота, и из неё в проход выпадает грузный полуголый силуэт. Я отшатываюсь в сторону.

Едва не столкнувшись, мы вежливо, с извинениями расшаркиваемся в полутьме, и силуэт, покачиваясь тенью, неторопливо отплывает в направлении кухни. Ага, вот и ванная комната. Пошарив вдоль наличников и не найдя выключателя, распахиваю дверь пошире, вхожу ощупью и ощупью же, на звук набираю над раковиной немного воды в пульверизатор. После чего вытираю руки об первое попавшееся влажное полотенце, потом о штаны и удовлетворённый возвращаюсь назад к Константину.

— Всё нормально? — спрашивает он.

— Всё отлично! — рапортую я. — Что-то я у вас в ванной свет не нашёл или он не работает?

— Нет-нет, там просто выключатель внутри, извини, забыл предупредить.

— Да всё нормально, — говорю я, опускаясь на колени перед мебельной стенкой.

Найдя на фасаде аналогичный утраченному элемент резьбы, я пшикаю на него водой, потом разминаю эглин и плотно, с силой к нему прижимаю. Некоторые используют для этой процедуры виксинт, я как-то пробовал, но мне не зашло. Качество, конечно же, выше, но возни больше и очень уж накладно выходит. Чуть подождав, поддеваю шпателем и аккуратно отлепляю пластилиновую плюху от лакированной поверхности. Ну вот, собственно, и всё, оттиск готов. К этому моменту я уже успел смешать на куске оргстекла полиэфирную автошпатлёвку с отвердителем, и теперь старой пластиковой карточкой мягко наношу её на серый ломоть эглина. Со стороны, наверное, может показаться, что я мажу себе бутерброд.

— Это ты что сейчас такое делаешь? — интересуется Константин.

— Резьбу, не поверишь.

— Это как? — он соскакивает со стола и с любопытством подходит ближе.

— Ну неужели ты думаешь, что я сейчас буду резать недостающие элементы? Хозяйка когда приезжает? — спрашиваю я. — Послезавтра? А тут кроме этих виньеток ещё работы пруд пруди! Если их резать из дерева, мы просто не успеем. Поэтому будет такая вот быстроразливная полиэфирная резьба.

— А не заметут? — интересуется он, заглядывая мне через плечо.

— На храме Христа Спасителя не замели, — пожимаю я плечами, — правда, там «резали» белый камень.

— Да ты что?!

— Ну а как, по-твоему, его в такие сроки забабахали? Тон с учениками 44 года строил, а Лужков за четыре управился!

— Ну, я не знаю. Современные материалы, технологии, — предположил Костя неуверенно.

— Вот именно что! — восклицаю я и бормочу заговорщицки, полушёпотом, нараспев: — Как мне говорил один мой знакомый резчик по камню, они всё, всё, что выше определённого уровня, все карнизы, балясины, маски, розетки, весь орнамент, всё-всё, не резали, а отливали из гипса или вот такой же белой полиэфирной шпатлёвки. А золочёные купола? Там же нитрид титана! Где ты видел золото с побежалостью?

— Вот если здесь будет какая-нибудь «побежалость»... — перебивает он меня в голос.

— Если отличишь старое от нового — переделаю, — парирую я категорично.

— Договорились.

В этот момент на столе у окна снова звонит телефон. Костя, моментально забыв обо мне, срывается через всю комнату быстрыми шагами, летит к телефону, хватая трубку и, прижав её к уху, снова вполоборота присаживается на стол.

— Да, слушаю вас!

Он, не вставая со стола, слегка пригнувшись, отворачивается от меня к окну.

— Да, пожалуйста, кого мы ищем? Актив, пассив, универсал? Понятно, может быть, у вас есть ещё какие-то дополнительные пожелания, предпочтения... Ну а как же? У нас есть разные ребята. С разной внешностью и... разными данными! Ну конечно же! Ну разумеется! Ну а как же? В конце концов, это же вы платите деньги! Нет, ну, я не знаю, может быть, вы хотите чего-нибудь попроще и подешевле... Ну а что тут такого? Это ваше право. Да. Хорошо. Да, конечно же. Буду ждать, — он

кладёт трубку.

— Сложные у вас клиенты, — хмыкаю я.

— Да уж не без того...

— Слушай, Кость, — начинаю я, осторожно вынимая из эглина затвердевшую заготовку, — не моё, конечно, дело, но просто чисто любопытно, э-э-э...

— Что у нас тут за бизнес такой? — договаривает он за меня.

— Ну да.

— Тебе официально или как на духу?

— Да я ни в коей мере! — тут же отступаю я, чувствуя в его ответном вопросе оборонительную издёвку. — В конце концов, нет так нет. Тогда тысяча извинений, прости за любопытство, и вообще это не моё дело.

— Да ладно, чего ты? — кивает он. — Всё нормально. Официально это сеть массажных салонов.

— А неофициально? — наседаю я.

Пару секунд Костя смотрит на меня с недоумением.

— Ну, ты что, маленький, что ли? — спрашивает он наконец.

Я молча отворачиваюсь в сторону и принимаюсь задумчиво, навесу подправлять фасонной стамеской свежий декоративный элемент. Нет, в общем-то, всё понятно, я не маленький. Но кое-что как-то не укладывается в предложенную им схему.

— Хорошо, — не оборачиваясь, возвращаюсь я к разговору. — А где же тогда девочки?

— Какие девочки?

— Ну-у-у, девочки, — я делаю рукой выразительный жест у груди.

— А-а-а! — Константин облегчённо хлопает себя по колену. — Ты имеешь в виду девочек?!

Я заулыбался и согласно закивал головой.

— Ну, так девочек здесь нет, — говорит он.

Я смотрю на него вопросительно.

— Потому что здесь мальчики, — и ещё раз поясняет для непонятливых: — Мальчики здесь работают.

— То есть все эти ребята, — я почему-то вспомнил парня с военной выправкой, — здесь типа «работают»?

— Ну да.

— То есть... — я начинаю мяться в размышлениях, как бы это получше сформулировать, чтобы никого не обидеть, — здесь типа мальчики работают... девочками?.. — и тут же поспешно уточняю: — Или всё-таки «с девочками»?

— Да, и девочками, и с девочками, и вообще, — машет он рукой. — Все работают, все. Правда, не все в том смысле, в котором ты спросил...

— А, стесняюсь тогда спросить, в каком? — не унимаюсь я.

— Ну, если ты обратил внимание, здесь, конечно, есть апартаменты, но мы ими практически не пользуемся. — Константин кладет руку на телефон. — Здесь, скажем так, офис. Здесь просто дежурная смена, водители и охрана. Клиент звонит, обговариваются условия, и кто-нибудь из ребят выезжает к нему на заказ, ну, или они едут вместе с ним в какие-нибудь другие апартаменты.

— То есть вот эти все люди... — начинаю я.

— Да-да, именно что! — кивает головой Константин.

Несколько ошарашенный таким поворотом, я растерянно замолкаю. Потом, бросив исподлобья быстрый и нетолерантный взгляд на своего собеседника, молча стелю на пол газетку, молча кладу на неё только что отлитую из полиэфирной шпатлёвки «резьбу», молча лезу в рюкзак за цветным воском и аэрозольными баллончиками с краской и нитроморилкой. Делаю всё это нарочито медленно и размеренно, дабы ни видом, ни взглядом не выдать переполняющих меня чувств. Наконец, устав от нарастающего напряжения, не выдерживаю молчания и срываюсь на совершенно пустой, дурацкий вопрос.

— Слушай, — интересуюсь я легко и как бы между прочим, — а охрана-то вам нафига? У вас здесь такая толпа мужиков!

— Ну, это здесь толпа мужиков, — объясняют мне уже совсем как младенцу, — а когда ты едешь к клиенту на выезд, там всякое может случиться.

— Не, ну а что тут такого? Я же езжу один.

— А ты просто очень смелый парень, — говорит он с многозначительной иронией.

Я непроизвольно поёжился. Стало так неприятно, что даже уже нелюбопытно. Прав, прав, тысячу раз прав. С другой стороны, в работе на выезде есть свой резон. Во-первых деньги, на выезде, как правило, больше платят, а во-вторых...

— Ну да, — рассуждаю я вслух, как бы непринуждённо, между прочим, поливая декоративный элемент краской из баллона, — в принципе так вас никто не заметёт. Даже если кто-то стуканёт, приедут менты, а вы тут сидите на кухне и чай типа пьёте.

— Не приедут, — морщится Константин, вставая со стола и повернувшись ко мне спиной, открывает в окне фрамугу.

— Тем паче, — замечаю я.

— Это мой проект, я тут всё продумал, — с гордостью сообщает он, повернувшись обратно. — Девочки — это не бизнес, девочки сегодня на каждом углу, а так вот только у нас.

Я рассеянно шевелю указательным пальцем вываленные на пол разноцветные восковые шпатлёвки. Со стороны вроде как я выбираю себе нужную, но мысли мои далеки, мысли мои не о том.

— Хотя нет! Могут замести! — делюсь я результатом своих изысканий. — Позвонят, вызовут мальчика, сделают, так сказать, контрольную закупку и заметут. Сначала мальчика, ну а потом и на остальных выйдут.

— Шалишь! — авторитетно возражает Константин. — Мальчику выгоднее всё на себя взять, с него одного спроса меньше, отделается в самом крайнем случае штрафом. Штраф мы ему компенсируем. Опять-таки, а я на что? Зачем я тут, по-твоему, на телефоне сижу? У меня, между прочим, два профильных образования! Я людей насквозь вижу.

— По телефону?!

— И слышу тоже.

— Это какие же такие образования, если не секрет?

— Ну, во-первых, я дипломированный психолог, — сообщает он со значением.

— Психолог — это не счётó во, — возражаю я и для большей убедительности добавляю: — Есть у меня один знакомый психолог, ни хрена в людях не понимает.

— Ну а потом, — замолкает он интригующе, на полвдоха, — я в своё время закончил духовную семинарию.

Я только и смог, что выдохнуть.

— О как!

— А то! — бравирует он.

— А вот это неожиданно! — честно признаюсь я, а сам непроизвольно отвожу глаза в сторону, борясь с искушением пристально уставиться на Константина. Эва оно как! Поп-расстрига, твою ж дивизию! И вот так вот не со страниц учебника или какого-нибудь классического романа, а просто протяни руку и прикоснись. И ладно бы только расстрига. В конце концов, верил ты, верил, потом разуверился, дело житейское, с кем не бывает. Взалкал ты, одолел тебя дух стяжательства, да и ладно, открыл бы какой-нибудь свечной заводик. Но не так же! Не до такой же степени! В моей голове тут же пронеслись прочитанные когда-то в «Спид-инфо» бесконечные истории про молодых послушников, совращаемых в монастырях похотливыми наставниками.

— Ну... и как... вы теперь? — нашёлся я наконец.

— Ну что как, как? — передразнил он меня. — Нормально. Надо бы ещё найти время и какой-нибудь юридический закончить. Хорошее образование ещё никому не вредило. А что это мы опять на вы?

— Извини, по привычке вырвалось, задумался.

Я достаю из рюкзака очередной аэрозольный баллончик и покрываю лежащую на газетке «резьбу» лаком.

«Ну, хорошо, хорошо, — думаю я — Хорошо. В конце концов, какое мне

дело? Мне как атеисту, безбожнику? Мне бы радоваться! Да кто я вообще такой, чтобы обсуждать или судить чужую веру, чужую любовь или нелюбовь к Богу? Кто я такой, в конце концов, чтобы осуждать или даже вообще обсуждать человека, который платит мне деньги? У нас же с ним нет других отношений. Ведь нет же? Нет! Я делаю, он платит — и всё. Всё остальное меня не касается. Где он взял эти деньги, как они их заработали, чем? Чем смогли! Не пахнут! Не моя печаль».

Я немного подождал, пока лак подсохнет. Нанёс несколько штрихов тонирующим маркером, ещё немного лака — и вуаля!

— Годится? — спрашиваю я, вставая, и, как художник от мольберта, слегка отступаю в сторону.

Константин сползает со стола, подходит к газетке и смотрит сначала с роста, а потом, поддёрнув брюки, присаживается на корточки рядом.

— Неплохо, — произносит он, поднимая на меня глаза. — А этому где-то учат?

Я задумываюсь. В семьдесят пятом? На архитектурном? В мастерских? «Хорошее образование ещё никому не вредило», — мысленно передразнил я его и улыбнулся. Мне почему-то сразу пришли в голову мастерские на Таганке. Да я и работал-то там совсем чуть-чуть, буквально одно лето. Видимо, хорошее было всё-таки лето и место было очень хорошее. Прямо за театром, на пустыре старый двухэтажный дом под выселение. Мы всем кагалом, эдакой художественно-реставрационной коммуной, делим первый этаж с фотостудией. Фотографы постоянно таскают к себе девчонок — моделей, а мы время от времени курим у порога и пускаем скупую мужскую слюну.

— Везёт вам! Хорошая у вас профессия! — не выдерживает кто-то из наших.

— Да ладно, чего там, ну, мясо и мясо.

Вот так! «Мясо и мясо». Цинично и отстранённо.

Снова звонит телефон.

— И это только начало дня! — Костя подмигивает мне заговорщицки.

— Да, алло! Да, массажный салон. Да, конечно. Но пусть он лучше к нам

сам зайдёт. Ну, мы же должны, в конце концов, посмотреть друг на друга, поговорить. Ну, разумеется... Да! Может, ему здесь не понравится, может, мы ему не понравимся, может, не понравится эта работа... Да. Нет, деньги-то, конечно, да, деньги достойные. Ребята, по крайней мере, не жалуются. Да. Да. Нет. Ну, так нельзя. Поверьте мне, это очень тяжёлая работа, да и физически тоже, и не каждому она подходит, и не всякий за это возьмётся. Да, конечно, с обучением. Ну, уж это вы как-нибудь сами, да, да, обязательно, буду ждать, да, в любой момент, прямо по этому телефону, непременно, хорошего вам дня, жду, до свидания.

Костя кладёт трубку и поворачивается ко мне.

— Прикинь! Жена пристраивает на работу! Ну что за мужик пошёл? Нет чтоб самому позвонить!

— Да ты чо! Это как?! — сдавленно шепчу я, одновременно пытаюсь и примерить на себя данную ситуацию, и уложить у себя в голове то, насколько непостижимо «высокими» должны быть отношения между супругами в этой семье.

— По объявлению звонят, — расслабленно комментирует Константин. — Да тут ещё нормально. Здесь ещё ничего. Вон Серёга бегаёт, — махнул он неопределённо куда-то рукой, — тоже жена сюда сосватала. Ну, правда, не так, но то ерунда. Одна вот на днях звонила, сына на работу устраивала... Говоря об этом, Костя многозначительно высоко поднимает бровь и с растяжкой налегает на букву «ы». Похоже, что такой расклад шокирует даже его. Хотя нет, «шокирует», наверное, неправильное слово. При такой-то работе что его может шокировать? Удивляет, наверное. Да. Просто несколько удивляет.

— Подожди, подожди, может, у вас объявление как-то так составлено? — предполагаю я неуверенно. В конце концов, должно же этому быть какое-то объяснение. Не может же весь мир вот так вот разом сойти с ума.

— Да нормально всё составлено. Нет, конечно, не прямым текстом, но всё понятно: «В элитный закрытый массажный салон, — цитирует он по памяти, — требуются молодые люди спортивного телосложения, с приятной внешностью, без вредных привычек, без специального образования. Обучение, высокая зарплата, работа на выезде, возможность подработки»... Что тут может быть непонятно? Какие тут

ещё есть варианты?

Действительно, а какие? Мысли в голову не шли, в голове была какая-то дзеновская, дерзновенная пустота. Вот так вот монахи годами сидят нагишом, завернувшись в оранжевые простыни, и медитируют. И горы смотрят на них, и небо смотрит на них, а они не едят, не пьют, а всё сидят и сидят, и всё никак. А всё почему? Потому что недостойны. А тут вдруг тебе бац — и вот! На! Пустота, сатори, просветление! Пользуйся, мил человек, заслужил. А ты: да я не такой, я не могу, да мне поработать надо. И чертишь, чертишь глазами по фасаду мебельной стенки и ищешь, за что бы зацепиться взглядом, хоть какого-то дефектика, ну хоть царапинку. А потом радостно: «Ага! Вот оно! Вот! Ещё одного декоративного элемента не хватает! Ага! Что ж, надо повторить, надо повторить». И повторяешь, повторяешь про себя, как дурак, эту фразу, чтобы вернуться назад в действительность.

— Кстати, — неожиданно возвращает меня Константин, — а сколько тебе лет?

И смотрит на меня так по-ленински, лукаво с прищуром.

— Мне? Тридцать шесть.

— Не, всё, уже староват, тридцать пять предельный возраст, — смеётся он своей шутке и продолжает: — А то ты симпатичный парень, у тебя глаза добрые и руки красивые, на тебя бы клиент пошёл, но, к сожалению, уже староват. Да. Нет, есть, конечно, мужики, которые работают до сорока — сорока пяти, но это, знаешь, это... — он на секунду замолкает, подбирая слова, — такие породистые-породистые самцы. И это очень, очень дорогие ребята. У нас, к сожалению, таких пока нет.

Я молча слушаю его разглагольствования и перемешиваю на оргстекле шпатлёвку, пытаюсь представить себя блистательным, серебровласым и очень, ну очень дорогим и породистым самцом... Нет! Нет, уж лучше я буду мять холодный эглин и поливать доски вонючим нитролаком. Как говорится, Jedem das Seine.

— Спасибо, конечно, за предложение, — сдержанно отвечаю я, — но я не по этой части, я натурал.

— А ты знаешь, — расслабленно продолжает Константин, — ну, это так, к

сведению, ориентация-то здесь ни при чём, это просто такая работа, здесь на самом деле все натуралы. Хотя нет, один гомосексуалист у нас есть, но остальные нет, остальные натуралы.

— Это что ж? А? Так они с тётками работают?! — восклицаю я с облегчением.

— Да, и с женщинами тоже, — кивает Константин. — Только на одних женщинах далеко не уедешь, в смысле много не заработаешь. Но сначала да, работают с женщинами. Сначала массаж и всё такое. А некоторые начинают даже с эскорта, — он слезает со стола и принимается расхаживать по комнате. — Предположим, какая-нибудь состоятельная дама хочет пустить пыль в глаза, похвастаться перед подругами шикарным кавалером или просто провести время в компании симпатичного молодого человека и к тому же хорошего собеседника. А мы пожалуйста! Это, конечно, работа не для каждого, всё-таки нужны и такт, и мозг, а не только приятная внешность. Но некоторые да, некоторые именно с подобных услуг и начинают.

Я молча киваю головой в такт разговора, для лучшего прилегания к дверце, выравнивая на листе наждачной бумаги основание очередной полиэфирной розетки.

— А потом? — спрашиваю я механически, когда Константин замолкает.

— А потом... Что потом? Потом, если она пожелает, ты отправляешься с ней или к ней, и это совсем другие деньги. Но это, как я уже говорил, не так часто. Поэтому, если тебе нужны... — он растёр между пальцами воздух, — некие средства, ты начинаешь смотреть на мир шире.

Рассматривать, так сказать, иные варианты.

— Например?

— Например, почему бы не поработать с мужчинами?

— Эскорт тут, я так понимаю, не предусмотрен, — ляпнул я наугад, не отрываясь от работы.

— Да нет, почему же? — возражает мне Костя. — Тоже бывает, но ещё реже, поэтому тут коммерческую составляющую мы даже не рассматриваем. Обычно начинают сразу с актива. Ну, это когда ты в процессе взаимодействия с партнёром находишься, скажем так, в

активной позиции. Но количество желающих получить услугу такого рода тоже ограничено, поэтому постепенно переходят и на пассив, и... — он замолчал, подыскивая нужные слова, — и всё остальное такое прочее.

— В смысле «такое прочее»? — откладываю я в сторону заготовку.

— БДСМ и всякие игрушки. Человеческая фантазия, она знаешь какая богатая! — отмахнулся он от вопроса. — Тут, в общем-то, всё равно, куда, кого и как, главное, чтобы по взаимному согласию и безопасно.

Безопасность — это очень важно, — добавил он, назидательно воздев указательный палец.

А может быть, я зря на него наговариваю? Может быть, не было никакого отступничества, может быть, он подобно Иисусу сошёл во ад, дабы призреть и спасти этих грешников? Может быть, он подобно Иуде должен был по слову Божьему предать Господа своего? Я, конечно, не силён в теософии, но Библия огромная книга, в Библии много разных слов, может быть, есть и такие.

Мне вдруг страшно захотелось курить. «Наверное, вот так же на зоне, — подумал я, — должен ощущать себя мужик в петушиной хате. Очень противоречивое чувство. С одной стороны я вроде как тут случайно, просто стечение обстоятельств, и мне вроде как на все эти условности, ну и что, но, с другой стороны, на киче это не по понятиям. Что я скажу потом пацанам, если спросят: а где это ты, Дима, сегодня работал?

— В публичном доме?! О! Круто! — скажут мне. — Ну и как там девочки?

И что мне ответить?

— Да нет там никаких девочек! Там только мальчики работают. Это такой специальный публичный дом, для голубых и девочек.

— Хм, как интересно! — посмотрят на меня с прищуром, и тут же спросят: — Ну и как работа?»

Я прижал розетку к месту на рохірор, подержал некоторое время, потом осмотрел дверцу стенки ещё раз, кое-где подправил маркером цвет, дунул напоследок из баллончика лаком и полез в рюкзак за табаком и зажигалкой.

— Костя, я так понимаю, здесь у вас не курят, мне бы надо выйти,

подымить немного.

— Ну, тогда просто дверь захлопни на защёлку, потом позвонишь.

Выхожу из подъезда и полной грудью вдыхаю тяжёлый аромат улицы. Прохлада сменилась духотой, зайцы попрятались, листья шумят невыносимо. Рядом никого нет, стульчик свободен. Сперва смотрю на него с интересом. Михá эл Тонé т, если мне не изменяет память, модель номер восемнадцать. Одним словом какой-никакой антиквариат. Был в своё время у меня клиент, который, когда гнутая мебель вошла в моду, по всей Москве шакалил подобные вещи и привозил к нам в мастерскую на реставрацию. Работа копеечная, предметы копеечные, денег поднять на нём толком не получалось, я даже не знаю в чём был его интерес, но когда приходили суровые времена он нас как-никак выручал. Полюбовавшись стульчиком в итоге всё-таки, спускаюсь по ступенькам вниз и усаживаюсь на скамейку. Достая пакет с табаком, достая из кармана трубку, некоторое время кручу её в руках и даже, прилаживаясь, закусываю мундштук, но потом откладываю в сторону, а сам вынимаю сотовый телефон, набираю номер и, прижав его к уху, замираю, покачиваясь в такт гудкам. Нескончаемое ожидание. Невыносимые гудки.

— Да. Алло.

— Алло! Да! Привет, солнышко! Как вы там?!

— Привет! Мы? Мы хорошо. Купаться ходили. Всё в порядке?

— О! Хорошо-то как! Это здорово!

— Всё нормально?

— Да, я работаю.

— Ну и как? Какие перспективы?

— Да, всё нормально. Вот в публичном доме работаю.

— В смысле?

— В прямом! Нормальный такой, самый обыкновенный публичный дом. Только здесь не бабы, а мужики. Не проститутки, а... проституты. Прости, Господи! А так всё чин по чину.

— В смысле? Это как? Подожди. Для женщин, что ли?

— Ой, не спрашивай, давай не сейчас, — ретируюсь я, — если захочешь, я тебе потом расскажу.

— Ну, давай не сейчас, — соглашается она.

— Им тут квартиру кто-то под бордель сдаёт, — не удержался я. — Ремонта никакого, антиквариата никакого, один только старый, ещё советский гарнитур, то ли румынский, то ли югославский. Ну, такой, по тем временам крутой гарнитур, но сейчас уже слова доброго не стоит, сейчас его только на помойку, реставрировать вообще никакого смысла!

— А зачем же они тогда тебя позвали?

— Да он хозяйский! — восклицаю я, взмахивая в сердцах свободной рукой. — В смысле владельцев квартиры. Те его решили забрать, а ребята его, видимо, немного покоцали, а может, просто на всякий случай решили подстраховаться и слегка подреставрировать, чтобы вдруг, если что, скандала не было.

— Они тебе денег-то заплатят?

Я на мгновение замолкаю.

— Думаю, да, — отвечаю я, уже поостыв, и добавляю: — Вроде как нормальные ребята. Тут работы много, но я постараюсь по-любому всё сегодня закончить, чтобы завтра не возвращаться. Мне тут одного раза с горкой! Поэтому, наверное, сегодня домой.

— Знаешь, а здесь тоже что-то погода портится, поэтому и мы, пожалуй, в Москву.

— Вот и отлично, значит, сегодня точно домой.

— Да, домой. И детей надо помыть, а то непонятно уже: то ли грязные, то ли загорелые.

— Тоже верно.

— Ты не помнишь, хлеб дома есть? — уточняет она. — Тебя всё-таки ко

сколько ждать?

— Ну, я, конечно, постараюсь побыстрее, — начинаю я неуверенно, — но я даже не знаю, тут правда много работы...

— Ладно, — прерывает она мои рассуждения, — в общем, не теряй нас.

— Я не буду, — говорю я, а потом, немного помолчав в трубку, неожиданно окликаю: — Солнышко!

— Да.

— Я люблю тебя, — и поправляюсь: — Я люблю вас.

— Мы тоже тебя очень-очень любим.

— Пока-пока.

— Пока, до встречи. Не забудь, сегодня домой.

И снова гудки.

Закончив разговор, поначалу сижу словно брошенный. Потом вспоминаю, зачем я всё-таки вышел на двор, спешно возвращаю телефон в кобуру на поясе, снова беру в руки Peterson и, стиснув в горсти бурый стаммель, торопливо начинаю набивать чашу сочной виргинкой. Вот теперь-то-о... Теперь... Мягко утрамбовав душистый табак согнутым пальцем, поворачиваю на себя эбонитовый мундштук, жадно стискиваю его зубами и щёлкаю зажигалкой. Ну, наконец-то! С усилием тяну я в себя воздух. Наконец-то. Я втягиваю щеками воздух ещё и ещё раз. Табак начинает тлеть и пощёлкивать, я затягиваюсь снова и снова, и вместе с лёгкой одурью и головокружением, вместе с горячим дымом в рот неожиданно просачивается жаркая, смолистая горечь. Раздражённо отплёвываюсь, тру язык запястьем, а мундштук промакиваю у пояса о выправившийся край чёрной футболки и, слегка привстав, спешно заправляю её обратно в джинсы.

— Кхм, кхм, — слышится за спиной интеллигентное покашливание.

Не вынимая трубки изо рта, быстро оборачиваюсь. Рядом на скамейке сидят две невесты откуда взявшиеся неопрятные стареющие хипушки в длинных бесформенных юбках и выжидающе ласково на меня смотрят. Одна из них сжимает на коленях в руках чёрную-чёрную увесистую книгу.

Видимо, я так увлёкся раскуриванием табака, что даже не заметил, как они подкрались. Несколько раз пыхнув и затянувшись, я плюхаюсь обратно на скамейку и вопросительно киваю им головой.

— Извините, — вкрадчиво и тихо произносит та, что с пустыми руками, — мы не займём много вашего времени. Вы верите в Бога? Можно поговорить с вами о Боге?

Я обречённо лезу в карман и достаю складной тампер.

— Вы понимаете, в Библии сказано, — торопливо продолжает её товарка, похлопывая книгу ладонью, — что Бог есть любовь, что человек должен чтить Господа своего и изучать слово Божье...

— А о вас? — перебиваю я раздражённо, вынимая трубку изо рта. — О вас что-нибудь в Библии сказано?

— Обо мне?

— Да, да, да, именно о вас! — стучу я трубкой о скамейку, выбивая остатки табака.

— Но при чём здесь я?

— Вот и я тоже думаю, — ворчу я, уже вставая. — При чём здесь вы?

Когда я вхожу в комнату, Костя сидит на столе у окна и буквально источает в телефонную трубку флюиды любви и добра.

— Ну конечно же, — выдыхает он со всеобволакивающей материнской заботой. — Вы же знаете наших мальчиков. Хорошо, конечно же, Серж и Вадим. Да. И никого больше. Да. Абсолютно с вами согласен. Больше никаких экспериментов. Я безумно сожалею. Да, да. Ни в коем случае. Больше не повторится. Да, Вадя и Серёженька. Конечно же...

Я отвернулся. Всё! Надо настроиться на работу. Это всегда так, пять минут «покуришь», и работать уже абсолютно не хочется. А надо. Надо сделать над собой усилие и больше не отвлекаться. Я подшагиваю к стенке вплотную и погружаюсь в изучение фасада на уровне рук. Шаг за шагом, дюйм за дюймом. То перекладывая ладони, то вытягиваясь, то

пригибаясь, шаг за шагом, шаг за шагом. Тут важно ничего не пропустить, поэтому глаза пошире, шаги покороче, где не взглядом, там ощупью, и не отвлекаться, не отвлекаться, не вслушиваться в этот чужой, ненужный разговор.

— Так, вот тут царапины, — бормочу я, чтобы лучше сосредоточиться, — тут немного лак потёрт, ага, вот тут немного профиль покоцан...

В этот момент в зеркало серванта я замечаю какого-то худенького паренька в чёрных узких джинсах и белоснежной, не по размеру просторной рубаше, практически подростка. Романтично облокотившись спиной о стену, он стоит, поджав ногу со скрещёнными на груди руками у сваленных под столом стульев, и с интересом за мной наблюдает. Вот это ещё один неприятный момент выездных работ. Впрочем, и к этому постепенно привыкаешь и даже начинаешь получать удовольствие. Я же кудесник, фокусник, престижитатор. Я же тоже творю чудеса. Вот утрачена резьба на дверце: кусок пластилина шмяк, десять-пятнадцать минут — и резьба восстановлена. Вот на ножке стула царапины: несколько пассивов руками — и нет царапин. Вот на крышке стола белые пятна и круги от стаканов: провожу проспиртованной бархоткой, чиркаю зажигалкой, спирт вспыхивает... Та-та-ам! И нет больше никаких пятен. Но зато есть возгласы удивления, суровые мужские рукопожатия и восхищённые взгляды женщин. Да, не скрою, это тешит самолюбие.

И тут молодой человек, уронив руки, отделяется от стены и делает шаг в мою сторону. Я непроизвольно оборачиваюсь.

— Извините, мне просто интересно, у вас очень интересная работа. Я не буду мешать. Я просто тут постою, посмотрю...

— Да, пожалуйста, — говорю я.

Всё понятно, я согласен, у меня и вправду очень интересная работа.

— Саш, человек занят, ты бы лучше сходил позвал Вадика и Сергея, — неожиданно вклинивается Константин. — Есть заказ, им на выезд. Скажи, пусть оденутся побрутальнее: кожа, латекс, всё такое, пусть возьмут нужные причиндалы. Это очень, очень хороший клиент. Надо съездить, слегка отстегать, чуть-чуть поругать. Тупо, грамотно, как учили. Без фантазий, без членовредительства. Только и всего. Сходи, порадууй

ребят.

Мальчишка, пожав плечами, уходит.

— А ты ему понравился, — говорит Константин, улыбаясь.

— В смысле?

— Ну, ему в принципе нравится мужчины, он тут, можно сказать, среди нас тот самый единственный, скажем так, «натурал», в смысле натуральный. Ну, ты меня понял, — подытожил он, заговорщицки подмигнув.

— Я не по этой части, я лесбиян, — устало напомнил я.

— Да ладно, не обижайся, я ж пошутил.

— Слушай, ты меня извини, конечно, — неожиданно пускаюсь я в атаку. — Пацану-то, по-моему, вообще лет четырнадцать-пятнадцать, я, конечно, всё понимаю, но это как-то уже за гранью. Вам самим-то это как?! Хо-хо не ха-ха?!

— Ага! Купился! Купился! — смеётся Костя. — Всё нормально, не переживай, мы чтим Уголовный кодекс. Ну, по крайней мере, эту его часть, здесь несовершеннолетних нет. А выглядит он да, выглядит как надо. Но мы нет, мы педофилией не занимаемся, это наша принципиальная позиция. Да, кстати, он особо-то и не востребован. В качестве актива он не очень, а в качестве пассива, как ни странно, популярны именно крупные, brutальные мужики. Так что он так, только иногда, у извращенцев на подработках.

— А есть ещё и извращенцы?! — нарочито удивлённо восклицаю я.

— Конечно, не ёрничай, а как ты хотел? Да если бы мы себе хоть что-то подобное позволяли, поверь мне, нас бы давно уже прикрыли. Мы нужны определённым людям, и этих людей достаточно много. Поэтому ты можешь спорить, ты будешь смеяться, но мы нужны этой стране.

Я замолкаю.

— Слушай, — говорит Константин, переводя тему, — просто любопытно. Зачем тебе эта палка? — спрашивает он, указывая на валяющуюся на полу трость. — Ты же по комнате ходишь без палки, курить пошёл без

палки.

— Ну, у меня нога иногда немеет. Когда сильно устаю, — уточняю я. — А так, если не устал, трость мне вроде как и не нужна. В общем, приходится на всякий случай с собой таскать.

— Это у тебя наверняка межпозвоночные диски, тебе нужен хороший остеопат, кстати, могу порекомендовать, у нас есть.

— Нет, Кость, это у меня рассеянный склероз, но за остеопата всё равно спасибо.

— Извини, как-то даже не подумал.

— Да что ты?! Перестань, да всё нормально! Я сейчас хотя бы знаю, в чём проблема, а то ведь годами ходил по врачам и не знал. Меня однажды даже в вытрезвитель загребли. Вот так вот после работы домой возвращался, ехал, разумеется, не присел, ноги уже подкашиваются, выхожу на «Выхино», меня водит, шатает, а там патруль прямо на перроне. Опа, меня под белы ручки и на Чухлинку, в родное девяносто шестое. Там принимают, оформляют, я говорю сержанту:

— Посмотри на меня, я же трезв как стекло!

А он говорит:

— Вижу, но ничего не знаю, не я тебя привёз, не моё дело, моё дело маленькое — бумаги заполнить.

— Дай, — говорю, — хоть домой позвонить, у меня там жена беременная!

А он:

— Ничего не знаю, не положено.

В общем, раздели меня до трусов, отвели босого в какой-то гадюшник, а там, кутаясь в тощие байковые одеяльца, сидят на железных кроватях такие же, как я, грустные полуголые мужики и тихими голосами проводят сравнительный анализ философского наследия Фёдорова и Циолковского. Эфирные существа, воскрешение предков, общее дело и совокупность отношений, проникнутых духом взаимной вражды и «неродственности».

— Да, у нас действительно удивительно духовные люди. — кивает

головой Константин — Ну и чем всё закончилось?

— Чем? В два часа ночи раздали штаны и отпустили всех по домам. Всех! Даже тех, кто был действительно мертвецки пьян. — хмыкаю я.

Снова звонит телефон.

— Алло, да, массажный салон. Да, что? Кто вам это сказал? Да, да, нет, извините.

— Шпана какая-то, — говорит он, кладя трубку.

Я неопределённо жму плечами, мол, всякое бывает.

— Слушай! — неожиданно говорит Костя в продолжение разговора. — Тогда тебе надо найти хорошего экстрасенса! Экстрасенсы, они вообще, экстрасенсы, они же чудеса творят!

— Это да, мне врач то же самое сказал, — соглашаюсь я и язвительно добавляю: — Только не сказал где. К сожалению, все те экстрасенсы, которых я встречал, были откровенными аферистами, а деньги мне и так есть куда потратить.

— Не, ну надо же что-то делать!

— Доктор сказал ждать, а я привык верить официальной медицине. Доктор сказал, надо подождать лет десять, глядишь, что-нибудь и придумают.

С этими словами я беру пустой пульверизатор и снова отправляюсь за водой. Опять унылые стены и длинный тёмный коридор, но дорога теперь знакома, поэтому всё воспринимается уже не столь мрачно и драматично. К тому же впереди на светлой кухне какая-то суета, смех, возгласы. На столе парит чайник, мелькают чашки, звенит посуда, чьи-то быстрые руки выставляют белую коробку, опоясанную голубой лентой.

— Слушай, Костя, — говорю я по возвращении. — Там на кухне шалман какой-то, ребята, похоже, квасить собрались. По какому поводу гуляем?

— Квасить?! — восклицает он, негодуя, и быстрыми шагами выбегает из комнаты. Через минуту возвращается.

— Ну, ты меня напугал. «Квасить собрались». Я уж подумал Бог знает что! Нет, брат, у нас на работе не пьют, нельзя. Причём не просто нельзя, а

нельзя категорически! Это ж просто несовместимо с этой работой! Как ты меня напугал!

— А чего они тогда?

— Да это чайку, тортику... У парня второй ребёнок родился. Сын! Понимаешь? Сын!

— А. Ну это здорово. Я-то грешным делом подумал, что без этого дела, — я хлопнул себя пястью по шее, — такие дела не делаются. Вот ребята и решили куража поднабраться.

— Ни в коем случае! — ещё раз с нажимом повторяет Константин. — Категорически нельзя! У нас как в горячем цеху — пьянство ведёт к травматизму и потере трудоспособности.

Видимо, в этом коллективе это вопрос не праздный, видно, непросто тебе следить за своими мальчиками, папаша Ко-Ко.

В этот момент в комнату входят два свежэпилированных розовых бугая в чёрном. Оба накаченные и упругие, как детские пупсы. Кажется даже, что если их пожать, то они запищат. Оба в чёрных кожаных штанах, в таких же чёрных кожаных жилетах на голое тело, с чёрными хлыстами в руках и в чёрных-чёрных кожаных фуражках-восьмиклинках.

— Ну что, так нормально? — спрашивает один из них, улыбаясь и добродушно похлопывая о ладонь сложенной плетью.

Константин подходит и придирчиво осматривает его с разных сторон.

— Ну-ка повернись! Живот подбери!

— Это пресс! — обиженно говорит тот.

— Тренажёрный зал по тебе плачет... пресс! — передразнивает Константин.

— Так я хожу, — не сдаётся он благодушно.

— Вот и ходи! — не унимается Константин.

Между тем я замечаю боковым зрением, как за их спинами в комнату бесшумно проскальзывает мой новый знакомый. На фоне этих двух покрасневшихся монстров он выглядит особенно хрупко и даже как-то по-детски бледно беззащитно. Услышав конец разговора, Сашка со

спины, нежно, буквально двумя пальцами, обхватывает мощный бицепс одного из титанов и с восхищением, как бы примеряясь, его ощупывает.

— Чо те надо? — рявкает тот, раздражённо отдёргивая руку.

Сашка тут же отдёргивает свою и отводит глаза в сторону, но тихо продолжает:

— Да я вот давно хотел тебя спросить...

— Ну?

— Послушай, тут такое дело... Если я тебя попрошу, ты это...

— Ну, говори, не томи! — обрывают его.

— Ну, ты это... ты меня трахнешь? — преданно заглядывая в глаза, полушёпотом спрашивает Сашка.

Возникает короткая пауза.

— Да не вопрос, Сашулька! — облегчённо смеётся бугай и тяжело хлопает его по плечу. — Обращайся!

— А минет? — осмелев, не унимается тот. — Ты мне минет сделаешь?

Я замираю и перестаю шоркать шкуркой. Со стороны это выглядит как игра со смертью. Розовый пупс багровеет.

— Ты что, охренел?! — ревёт он.

— Нет-нет, подожди, подожди, — торопится Сашка, — а за деньги? За деньги?!

— За деньги... — задумчиво выдыхает бугай, остывая. — За деньги — это моя работа.

— Вот! — немного отступив, с негодованием восклицает парнишка. — Вот! Педераст коммерческий!

И высоко подняв голову, гордо выходит из комнаты.

— Ладно, всё, — говорит Константин, — покуражились и баста. Берите водителя, плети в зубы и вперёд, полетели.

Ребята молча уходят, и мы опять остаёмся вдвоём.

— Слушай, Кость! — говорю я, подкрашивая маркером битую кромку. —

А эти двое чего? Поехали заниматься с кем-то насилием по взаимному согласию?

— Ну да.

— Ну, то есть вот так вот реально эти двое сейчас кого-то будут плетьюми охаживать?!

— Ну да, — повторил он. — А что тут такого?

— Так они же с него живого шкуру в три удара спустят!

— Эти-то? Эти могут, — задумчиво соглашается Константин и добавляет: — Могут... но не должны. Эти — профессионалы! Вообще-то мазохисты, да и садисты, — округляет он слова рукой, — это народ такой... как бы это получше сказать... пугливый и нежный, что ли, с ними поаккуратнее надо.

Звонит телефон.

— Алло! Да. Понял. Спасибо, — говорит он и тревожно повторяет: — Понял. Спасибо.

— Что-то случилось? — спрашиваю я, затирая царапины воском.

— Да с Петровки звонили. Сказали, что идёт рейд, чтобы мы пару часиков сидели и не высывались...

— Ого! Петровка это круто! — подумал я. — Если не врёт, конечно. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Да и с чего бы ему врать? Кто-то же должен их крышевать, а Петровка здесь недалеко. Наши районные нищоброды на Есенинском девок крышуют, а девочки, как говорит Константин, это нынче вообще не бизнес. Так что здесь должна быть какая-то контора посolidнее.

— Ну и как же теперь работа? — интересуюсь.

— А что работа? Будем поаккуратнее.

Снова звонит телефон.

— Алло, да, массажный салон. Да, можем. Вам кто-то порекомендовал? Да, ну, допустим. Прямо чтобы непременно прапорщик? Прямо в форме? Актив, пассив, универсал? Ну, допустим. Вы знаете, прапорщика, к сожалению, вот так сходу нет, но есть офицер. Да, самый настоящий, да,

прямо в форме, да, и с документами. Я не знаю, я не помню, к сожалению, род войск, могу уточнить. Для вас это критично? Да, да, перекрутить петлички? Да, я уточню, да, хорошо, договорились, я вам перезвоню.

— Видишь как, — комментирует он положив трубку — хочет, чтобы непременно прапорщик был или на худой конец офицер, в форме со всеми делами.

— Актив, пассив, универсал? — передразниваю я.

— Пассив, — задумчиво вздыхает Костя.

Мне почему-то это кажется очень смешным.

— Не иначе как кто-то дембельнулся! — хмыкаю я.

— Вот и я думаю, — говорит он, — отправлять, не отправлять...

— Я бы не отправлял.

— Так-то оно так, но с ним же ещё охранник и водитель. Три здоровых мужика, тут тоже не забалуешь. Сейчас часок подождём, а там посмотрим...

Вышел я в итоге от них только под утро. Где-то в три, в половине четвёртого. Хотелось, конечно, покончить с этим побыстрее, но быстрее не получилось. Я шёл на лёгких ногах, торопливо стуча тростью, по пустой улице, а в кармане сладко пожаткавались зелёные купюры. Дождь как раз только-только прекратился, небо едва развиднелось и сочилось на улицы нежной полупрозрачной зарёй. Она расплывалась на мокром асфальте, ленты золотистых облаков кривились в грязных лужах и в окнах притихших домов, над проводами таял свет последних слепых фонарей, а я всё шёл и шёл, шагал и шагал и думал, что вот сейчас я выйду на Садовое кольцо, что поймаю мотор и скоро-скоро приеду домой, а дома все спят, дома меня ждут, дома любимая...

— Пожрать, в конце концов, можно будет что-нибудь наконец! — думал я. — А то целый день на никотине и ни крошки во рту. В морозилке

наверняка есть какая-нибудь «Дарья». И что всем так дался этот борщ? Терпеть не могу ложкой юшку хлебать! Я же добытчик! Мясо! Ну, на худой конец пельмени!

Когда идёшь, вообще хорошо думается.

— Господи, как же у меня всё хорошо! — думал я — Вот в правду! Вот приду домой, залезу в ванну, полежу, отмокну и хрен с ним с этим лупанарием! Нет, ну вот ей-богу! Как же у меня-то всё хорошо-то! Ведь хорошо же! Если ты где-нибудь и вправду есть, спасибо тебе, Господи!